

В первой половине августа 1942 года из города Черкесска к перевалам Главного Кавказского хребта двинулись первая и четвертая горнострелковые дивизии 49-го корпуса гитлеровцев под командованием генерала Конрада.

Немецкому корпусу противостояли небольшие разрозненные стрелковые и кавалерийские отряды нашей 46-й армии, не имевшие специальной альпинистской подготовки и снаряжения. И всё же

героические советские воины, проявляя чудеса мужества, не только отстояли южные склоны перевалов, но во второй половине сентября отбросили немцев на северные склоны Кавказского хребта. В первых числах января с рубежей Терека началось наступление советских войск. Наступление разрасталось с невероятной быстротой, за несколько дней были отбиты у врага десятки городов и населенных пунктов; началось беспорядочное отступление немцев. Немецким отрядам на перевалах был отдан приказ опуститься в долины. Однако большинство отрядов спустилось уже на занятую нашими войсками территорию и им ничего не оставалось делать, как сдаться в плен.

Вот так, в основных чертах, пятнадцать лет тому назад разворачивались военные события в горной части Северного Кавказа.

Группа туристов-студентов и студенток Ставропольского педагогического института решила совершить поход по местам героических боев советских воинов с гитлеровскими оккупантами. Маршрут выбрали такой: Домбайский перевал,

По следам

героев

Б. МОРГУНОВ

Рисунки ВОДОЛАЖСКОГО

Алибек — долина реки Аксаут, перевал Халега, долина и перевал реки Марух, перевал Аданге. Маршрут заканчивался в Сухуми, на берегу Черного моря.

Об этом походе и рассказывает руководитель группы туристов Борис Петрович Моргунов.

В первых числах июля, за несколько дней до назначенного срока, сделали последние закупки, в последний раз осмотрели палатки, ледорубы, высокогорные ботинки и, наконец,

уложили рюкзаки.

Утром, в день отправления в поход, небо заволочло тяжелыми тучами, несколько раз начинался дождь, но к назначенному часу все собрались без опоздания. В 11 часов погрузились, на машины, которые должны были доставить нас на Домбайскую поляну, откуда и начинался наш поход.

Сразу же за Черкесском начались горные пейзажи. Долина Кубани, постепенно суживаясь, в некоторых местах превращалась в каньон, глубоко прорезанный в известняках. Крутой поворот вправо, на мост через Кубань к городу Карачаевску.

Кубань в этом месте прорывается через узкую скальную теснину. Она здесь бешено воеет, бросается из стороны в сторону, разбивает в щенки бревна, неистовствует. Однако уже через сотню метров успокаивается, разливаясь по долине.

Через полчаса езды от Карачаевска, после одного из поворотов с гор подул холодный встречный ветер, а еще через несколько минут показались горы, покрытые снегом. Чем ближе подъезжали мы к Теберде, тем

ниже слева и справа по склонам спускался снег, и странно было видеть ярко-зеленую траву и цветы вперемежку со снежными полями. На открытых машинах становилось по-настоящему холодно.

Вечера в горах короткие, и через 10 — 15 минут езды от Теберды стало совсем темно. Дороги стали потруднее, шофёры сбавили ход. Вдруг ведущая машина остановилась. Оказалось, что шла встречная машина, а разъехаться в этом месте трудно.

Но вот показались огоньки туристской базы и альпинистских лагерей, — цель нашей поездки. Неожиданно ведущая машина, проезжая один из мостов, провалилась сначала одним задним скатом, а затем и другим. Возились мы с машиной, пожалуй, с полчаса и всё безуспешно. Но тот откуда-то сзади появилась группа людей. Не говоря лишних слов, они подтащили из леса несколько бревен, построили мостик, подняли заднюю часть машины, колеса поставили на доски, и машина пошла. Люди так же незаметно исчезли, как и появились.

Пока мы грузили машину, нас обогнал автобус, а в нем старые знакомцы — наши неожиданные помощники — альпинисты. Тронулись и мы. Еще несколько поворотов и машины вышли на поляну у альпинистского лагеря. На поляне, омяв высокую траву, лежал мокрый снег, выпавший прошлой ночью.

После трехдневного вынужденного ожидания, пока стает снег, группа начала подготовку к выходу на маршрут.

...Пройден только первый километр, а уже начал накрапывать дождь — начало не совсем удачное. Через пару часов остановились вблизи от развилки троп, одна из которых направлялась влево к леднику Алибек, а другая сворачивала круто в горы через альпийские луга. По какой тропе идти? Стало темнеть и решение этого вопроса пришлось оставить на завтра.

На рассвете тронулись в путь и часа через два вышли к ручью. Тут, сверившись с картой, убедились, что попали не на ту тропу. Отряд пришлось остановить, а на поиски тропы к перевалу отправить разведчиков.

Слева, с ледника, и справа, со скал вершины Сулахат потянулись тонкие полосы

тумана, которые, разрастаясь, постепенно сближались и наконец соединились. А там, за туманом, на снегу и льду находились наши товарищи!

...Прошло несколько томительных часов ожидания, пока из тумана вынырнули долгожданные разведчики. Погода всё больше портилась, и мы решили обосноваться на ночевку в домике альпинистов, приютившемся у ледника среди скал. Только на третий день мы вышли на тропу и уверенно начали подниматься к перевалу Алибек. После первого трудного подъема тропа, хорошо натопанная альпинистами, свернула влево и несколько километров шла вдоль крутого травянистого склона, а еще через пару крутых подъемов начались снежники. За время подъема несколько раз опускался, а затем рассеивался туман.

Идти становилось всё тяжелее, всё чаще устраивали привалы.

...Два часа дня. Перевал ярко освещен солнцем, в нескольких километрах внизу в долине нестерпимая жара, а здесь — пронизывающий морозный сквозняк.

На перевале находим первые признаки прошлых грозных событий — стреляные немецкие гильзы. Но, видно, немцы здесь были недолго. Нет блиндажей, нет землянок.

Уже в темноте спустились в долину реки Аксаут и остановились на ночлег в поселке Рудничном.

Подниматься к перевалу Халега начали только во второй половине следующего дня. Часа через четыре очень трудного подъема перед нашими взорами открылся вид на чудесное высокогорное озеро, с одной стороны окаймленное скалами и снегом, с другой, — зеленым ковром высокогорного

низкотравья. Тишина. Казалось, ничто и никогда не нарушало спокойствия и изумительной красоты этого уголка природы. Но вот из травы выглянул поржавевший ствол немецкого пулемета, возле него несколько консервных банок с клеймом на иностранном языке, диски автомата, горка стреляных гильз, а дальше — два полуразрушенных блиндажа с множеством гильз, разбросанных вблизи от них, кусок электрического провода.

Чуть дальше разрушенные огневые точки, а вот и стреляные гильзы от снарядов и части разбитой пушки.

Вскоре на поляне запылал костер. Вечерело. Вдруг внизу послышался лай собак, а через некоторое время из-за косогора появился чабан в сопровождении четырех кавказских овчарок. Быстро познакомившись, уселись у костра. Чабан оказался местным жителем, от него-то мы и узнали, что поляна у озера была опорным пунктом немцев. Отсюда отдельные группы гитлеровцев уходили на смену солдат к Марухскому перевалу и к тропе, находящейся на склоне Кара-Каи, ведущей к перевалу Аданге и далее к Сухуми. Уходить-то уходили, но возвращались далеко не все. Занявшие господствующие высоты бойцы отдельного батальона Советской Армии простреливали всю пониженную часть и били немцев на выбор. Небольшая горстка советских бойцов успешно сдерживала натиск специально обученных отрядов оккупантов.

...На следующий день в пять утра тронулись дальше. Всего через какой-нибудь час на западе с перевала открылся вид на долину реки Марух, а на востоке — на величественную цепь Главного Кавказского хребта со сверкающими шапками вершин. На юге возвышалась темная пикообразная Кара-Каи, а еще южнее — громада Марух-Баши. Время близилось к полудню, когда

перед нами открылся вид на плато Марухского перевала. Увлеченные красивой панорамой, мы не заметили, как вышли к району укрепленной позиции немецкой обороны. По склону долины за каждым удобным камнем расположились блиндажи и огневые точки с бойницами в направлении перевала — значит немецкие. У одного из разрушенных блиндажей, на маленькой полянке с тающим снегом и пробивающейся зеленью травы, валялось около десятка черепов. Так же, как и у озера, разбросаны снаряды и остатки разбитой военной техники. По всему видно, что немцы, встретив упорное сопротивление, не смогли двигаться дальше к перевалам и решили расположиться здесь надолго. Разрушенные строения, ссадины на лице земли, остатки разбитой военной техники — всё говорило о жестоких боях. Ребята притихли, видно, перед всеми промелькнули картины прошедшего, образы безымянных героев, простых советских людей, грудью заслонивших от врага родную землю.

...За склоном показался огромный ледник, из-под него несколькими рукавами вытекала река Марух. Переправившись через реку, сколько ни смотрели, так и не могли увидеть, где же можно подняться на склон. Опять пришлось посылать разведчиков. Преодолевая снежные участки и скалы, разведчики двинулись на поиски тропы. Вернулись они часа через два-три. Оказалось, что подняться на склон можно в разных местах, но для девушек с тяжелыми рюкзаками, да и для многих ребят это было связано с опасностями. Решили идти по наиболее легкому и далекому пути в обход слева, ближе к Южно-Каракайскому перевалу. Перед самым перевалом раскинулось каменистое плато, в большей части свободное от снега. И здесь открылась перед нами картина боя не на жизнь, а на смерть.

Вся северная сторона у почти отвесных скал покрыта выложенными из камня окопчиками. В нескольких десятках метров южнее еще ряд таких, дальше еще и еще ряд — бойницы выложены в направлении на север. По направлению видно, что это линия нашей обороны. Везде по полю разбросаны мины, гранаты, гильзы от патронов, у отдельных больших по размеру окопчиков

целые горки гильз, наверное, здесь стояли пулеметные расчеты. Метрах в двухстах от первых окопы повернуты бойницами на юг, а еще через сотню-полторы метров — опять окопы с бойницами на север. В этом месте, в небольшой впадине, несколько блиндажей — по остаткам от них, по разбитому оружию и боеприпасам можно судить, что они несколько раз переходили из рук в руки.

На южном краю перевального плато опять окопы, направленные бойницами на юг. Как живая, возникла картина героического сражения, где за каждый камень велся упорный бой и каждый камень отстаивался ценой жизни. Эти камни с бойницами стали гранитной стеной, о которую разбились вышколенные в горах Югославии, Италии, Австрии фашистские молодчики «горные цветы», «эдельвейсы».

Невдалеке от тропы стоит сложенная из камня пирамида со столбиком на вершине и дощечкой с надписью «Могила советских воинов». Обдувают ее с юга и с севера, с востока и запада то суровые, то ласковые ветры и разносят славу о героических подвигах советских воинов.

Мы подошли к пирамиде, сняли фуражки. Долго стояли молча. Из-за остроконечной вершины Кара-Кай и мрачной Марух-Баши быстро проносились хлопья темных туч. Солнце исчезало. И вдруг темное небо прорезали стрелы молний и будто орудий-

ный салют грянул гром.

...Спустившись с перевала, пересекли последний на нашем пути ледник. У нижнего края опять встретили огневые точки обороны. Отсюда началось безудержное движение советских войск вперед, на запад, до самого логова фашистского зверя.

К вечеру, уставшие после пройденных за день перевалов, мы едва переставляли ноги, надо было думать о ночлеге. К счастью нам попалась прошлогдня стоянка пастухов, около нее валялось несколько небольших бревен и кучи хвороста. Здесь, среди камней, мы и остановились на ночь.

Дневу мы проводили уже в долине реки Чхалта на небольшой поляне у березовой рощи. Аданге и Марух — шумные горные реки — после слияния широко разлились по долине и успокоились среди ровных в этом месте берегов. В заводях у берегов как тени мелькали спины форелей.

Каждый из нас занимался своим делом: кто чинил обувь и одежду, кто просто грелся на солнышке. Еще задолго до темна у палаток разгорелся яркий костер, а вслед за этим послышались песни. Снизу по тропе появились фигуры старого горца и юноши, направлявшихся к нашему лагерю.

Со стариком сразу завязалась беседа. Оказалось, что старик сван Мато Виссарионович Середиани работает пастухом в колхозе Ахали-Чхалта, а юноша — его племянник — вместе с ним проводит каникулы

после окончания второго курса музыкального училища.

— Теперь хорошо у нас, в горах,— говорит старик,— Всё свое есть: мясо, сыр, масло, молоко; хлеба и сахара привозят вдоволь.

— Сколько вам лет, Мато Виссарионович?— спросил кто-то из туристов.

— Шестьдесят семь,— ответил, улыбаясь, старик.— Еще совсем молодой. Когда становится скучно, иду на охоту за турами. Вот еще года три похожу, а там пусть племянник один ходит. Плохо видеть стал.

— Сколько лет вы живете здесь?

— Всю жизнь.

— Так вы, наверное, и в войну здесь жили? Расскажите нам.

— Понимаешь, надо ехать за фельдшером в село, старуха заболела. Может быть, придется в больницу отвезти. А рассказать — почему не рассказать?

За фельдшером старику ехать не пришлось, наших знаний было достаточно, чтобы помочь старухе подлечиться медикаментами из нашей аптечки.

Ярко пылал костер, освещая палатки и кружок туристов у костра. На самом видном месте сидел старик Мато.

— К осени 1942 года отдельные немецкие горно-стрелковые отряды вышли к предгорьям, понимаешь, хотели занять перевалы, а потом захватить Закавказье. Ну, мало ли что немцам хотелось. Наши кавалеристы и стрелки бились как орлы. Каждый шаг немцам приходилось устилать своими трупами. В долине Аксаута немцы отбили от батальона несколько наших солдат. Ты думаешь, наши сдались? Нет. Бились до последнего патрона, а когда осталась у них одна мина и в живых всего трое солдат, они взорвали себя на мине. На перевале Марух много окопов и землянок. Видали? Там были такие бои, что и во сне не увидишь. Перевал несколько раз переходил из рук в руки. Немцев всё время поддерживали самолеты. Наши и самолеты сбивали. Два еще и сейчас лежат там, один на Южно-Марухском леднике, другой на леднике Агесса. Выше Марухского перевала в стороне стоит красивая гора Кара-Каи. Высоко на уступе еще и сейчас осталась землянка, там стояла рота лейтенанта Матагвшрия. Рота так и не сдала позиции.

Понимаешь, в роте были две дев ушки санитарки. Так они вместе с мужчинами терпели все трудности горной войны и так же героически били врага. Ближе к зиме сюда на Чхалту пришла дивизия грузин и сибиряков. Там, выше по реке, располагался штаб дивизии. С бойцами этой дивизии и я ходил пять раз в разведку. В январе из села Птыш на Чхалте с пятью солдатами за один день добрался до Хутыйского перевала, а вам для этого потребовалось бы не меньше четырех дней. Мы шли по местам, где ходят только туры.

Старик задумался, помешивая прутиком в костре.

— В тот год зима была, знаешь, какой? Над отрогами бушевали метели, снег заносил долины на десятки метров, а в дни затишья без конца слышался грохот снежных лавин. Но и в такую погоду бои не стихали... О подвигах советских воинов мог бы говорить каждый камень, обильно политый кровью героев. Но камни молчат. И сколько храбрецов, отдавших свою жизнь за родину, остались неизвестными...

Долго еще после того, как старик ушел, сидели мы молча у костра...